

ГЛАВА 1

«Милая моя Мэри!

Я так рада, что ты ответила на письмо и приглашение! Конечно, я буду счастлива видеть и твою сестру, вы нас никоим образом не стесните! Жду в условленное время. На станции вас, моих дорогих гостей, встретит кугер и доставит прямо к нашему дому в Мэллоуншире.

Твоя любящая подруга Джулия»

Закончив читать, Эбигейл положила лист поверх распечатанного конверта, провела по нему рукой и удовлетворенно улыбнулась: письмо вновь выглядело нетронутым. Да, это лишь гламор, иллюзия, но какая разница? Сестрица ничего не заметит и точно не отвертится — пригласили обеих Айвз. Эбигейл была совершенно равнодушна к подругам Мэри, но не собиралась упускать шанс познакомиться с виконтом Мэллоуном. Если он именно тот, кого она ищет...

Эбигейл сжала кулаки. «Рано, — сказала она себе, бесшумно выскользнув из комнаты. — Слишком рано думать об этом!»

Обычно день Кристофера начинался поздно. В конце концов, он дома, в родовом гнезде, а не в университете. Но не сегодня — в воскресенье вся семья отправлялась

в церковь. Это означало ранний подъем и скучную службу с неизменно нудной проповедью пастора. Жаль, пропустить ее не получится, не сейчас, когда семью постигла трагедия и взгляды всего общества прикованы к Мэллоунам.

Он поправил шейный платок, черный, как и весь его костюм. Впереди — три месяца траура. Кристофер скривил губы: брат ненавидел мрачные цвета. Какая горькая ирония в том, что теперь они захватили всех, кого Джозеф называл «любимые». Смахнув несуществующую пылинку с плеча, Кристофер покинул комнату — карету уже подали, а значит, оттягивать выход не стоило.

Поездка вышла унылой. В прошлое воскресенье, какую-то неделю назад, она была совсем другой: Кристофер шутил и смеялся, Джозеф ему вторил, тепло-карие глаза матери искрились весельем и даже строгий, серьезный отец не мог сдержать улыбки. Какой разительный контраст! Теперь граф не отрываясь смотрел в окно, графиня — на свои сцепленные в замок руки, а их сын не смел даже рта открыть, чтобы не нарушить скорбное молчание. Кристофер подавил тяжкий вздох. А ведь младшая сестра еще не знает, что случилось, — письмо не успело дойти до пансиона, и, когда страшные новости станут известны, она окажется с ними совершенно одна. При мысли о том, как будет страдать любимая Маргарет, сердце обливало кровью.

Карета, дернувшись, остановилась, кучер спрыгнул на землю и открыл дверь. Отец вышел первым, подал руку матери, а Кристофер задержался, перебарывая желание вернуться в особняк. Не хотелось видеть прихожан, слушать шершавый голос пастора, который сегодня, уж конечно, посвятит проповедь тому, как правильно скорбеть и справляться с утратой.

— Милорд? — подал голос кучер, который так и стоял, согнувшись в поклоне.

Родители почти дошли до дверей церкви, и Кристофер, совершив над собой финальное усилие, выбрался из кареты. Гравий насмешливо заскрипел под подошвами ботинок, но он решительно направился вперед. Как-нибудь переживет пару часов под бесцеремонными взглядами прихожан. Кристофер едва сдержал усмешку, подумав, что не отказался бы от плотной вуали на шляпе. Жаль, это привилегия женщин. Взять, к примеру, его мать — она скрыла лицо такой густой черной сеткой, что даже дорогу перед собой толком не видела. Зато другие могли заметить лишь скорбный наклон ее головы, но не настоящие эмоции.

Под сводами храма царил прохлада. Пахло немного пылью, немного благовониями и чем-то непривычным, неуловимо сладким. Словно ванильной слобой, какую готовила по праздникам миссис Кук, бессменная кухарка Мэллоунов. Кристофер огляделся, пытаясь понять, кто или что источает этот аромат, и заметил на соседней, через проход, скамье новые лица. Рядом с семейством торговца мистера Робинсона устроились две незнакомые леди. Одна — с тонким длинным носиком, несколько бледным лицом и русыми волосами — внимательно смотрела на пастора, как раз вставшего за кафедру. Вторая же...

Уже то, что из-под кокетливой зеленой шляпки выглядывали золотистые локоны, было удивительно! Волосы иного, нежели русого, цвета встречались только у тех, в ком текла кровь волшебного народа. Сам Кристофер родился черноволосым. Но подобное отличие означало принадлежность к аристократической семье, а девушка сидела рядом с торговцами, пусть и зажиточными. Он попытался припомнить, в какой из семей Лордов Основателей за последние двадцать лет рождались девочки с проявившейся волшебной кровью, но не смог. Разве что Айделы...

Незнакомка повернула к Кристоферу изящную головку, и его смятение усилилось. Точно не Айдел, у тех глаза — расплавленное золото или янтарь, а у нее оказались голубые, словно летнее небо, и прорезал их узкий кошачий зрачок. О подобном Кристофер только в книгах читал! Неужели это самая настоящая фэйри?! Девушка заметила столь неподобающее для джентльмена проявление интереса, посмотрела осуждающе и гордо отвернулась, но Кристофер мог поклясться: когда их взгляды пересеклись, губы незнакомки дрогнули в улыбке. С этого момента он не мог думать больше ни о ком и ни о чем. Проповедь преподобного Доуса о потерях и любви не задевала его чувств, они устремились в ином направлении.

Когда Кристофер был маленьким, он думал, что и эльфы, и фэйри, и феи — все они живут в чудесном месте, который смертные называли Волшебной Страной, а сам волшебный народ — Дивным Краем. Позднее он узнал, что это не так: эльфы жили в своих, наверное, мирах: с дворами, дворцами, садами, лесами. Они считали себя выше, достойнее, мудрее фэйри, а фей и вовсе презирали.

Сами феи, как и фэйри, встречались везде — на Третей Дороге, что связывала все уголки Волшебной Страны, в самой Стране и даже в мире смертных. Но большинство фэйри, исключая шелки, старались селиться именно в Дивном Краю. Их Дворы — Благой и Неблагой — по очереди правили под Холмом, и когда-то известнейших из смертных приглашали на их балы и праздники. Кристофер мечтал о подобном приглашении! «Когда-нибудь Королева Благого Двора пригласит и меня!» — думал он, читая очередную легенду о временах, когда волшебство свободно изливалось из Источника, наполняло собой все и пронизывало каждый уголок любого из миров. Но потом люди запечатали Источник, и волшебные создания начали покидать мир людей:

феи уходили на Третью Дорогу, фэйри больше не могли находиться среди смертных дольше семи лет, им обязательно нужно было какое-то время жить в Дивном Краю, тропы стали зарастать травой, и лишь волшебные существа, привязанные к родовым особнякам древнейших семейств, остались в мире смертных.

И вот совсем рядом с Кристофером оказалось удивительное создание! «Как жаль, что правила приличия не позволяют мне обратиться к ней первым! — размышлял он, обводя взглядом прихожан. — Придется ждать, пока кто-нибудь нас представит. Но кто? Разве что Робинсоны...»

В этот момент незнакомка как раз наклонилась к мисс Сьюзан и произнесла что-то, насмешившее младшую дочку торговца. Ее сестра — Джулия — тотчас шикнула на нахалку и украдкой огляделась: не заметил ли кто из почтенного общества недостойного поведения в храме Спасителя?

«Да, пожалуй, они подойдут, — решил Кристофер. — Как же теперь подстроить знакомство?» О приеме в особняке не шло и речи, но посещать светские мероприятия братьям погибших никто не запрещал. Равно как и общаться со знакомыми при случайной встрече... Например, после службы. Что может быть естественнее вежливой соседской беседы с давним партнером семьи? Кристофер улыбнулся своим мыслям и наконец поднял голову, посмотрев на священника. Он не заметил, что златокудрая гостья Робинсонов изучает его самого, с трудом скрывая жадный интерес.

— Мистер Мэллоун! Сэр! — голос преподобного Доуса настиг Кристофера в тот момент, когда он собрался поответствовать Питера Робинсона и его дочерей.

Ради этого он даже отказался от возвращения домой в карете, выждал, пока семейство торговца соберется, и теперь, в секунде от столь желанного знакомства...

Кристофер стиснул зубы и повернулся к преподобному. Тот служил в их городке без малого семь лет. Назначенный в пасторат сразу после окончания учебы, мистер Доус смог заслужить любовь прихожан. Хотя проповеди его были скучны, он всегда находил слова поддержки для своей паствы, приходил к больным и здоровым, к умирающим и роженицам, к старикам и детям. Священник старался помочь каждому, и люди отвечали ему искренней привязанностью.

— Спасибо, что задержались, — улыбнулся преподобный. Его орехово-карие глаза лучились теплом, а в голосе звучала благодарность.

Кристофер вежливо улыбнулся в ответ, борясь с желанием оглянуться и узнать, покинули ли храм Робинсоны и их гостя. Мистер Доус не торопился продолжать разговор, изучая его лицо с неприятным вниманием.

— Вы что-то хотели мне сказать, преподобный? — не выдержал Кристофер, секунды казались минутами, и он физически ощущал их неумолимый бег.

— Я заметил, что вы были подавлены во время службы, — произнес Доус, и его высокий лоб прорезала морщинка. — Зная, как вы были близки с братом...

Ни единого мускула не дрогнуло в лице Кристофера. «Близки!» — мог бы с иронией воскликнуть он и удивить этого заботливого человека в черной рясе. Все вокруг думали, что братьев связывают крепкие узы, но на самом деле никакой связи не было. Джозеф завидовал волшебной крови. Злился, что младший вытянул счастливый билет и оставил старшего без наследства. Родись Кристофер обычным, все, что осталось бы у семьи после выхода из Палаты

Лордов Основателей, отошло бы Джозефу. Титул, родовой особняк, земли рядом — ни книг, ни собственности в других частях Королевства, ни возможности влиять на жизнь страны. Для кого-то — предел мечтаний, но по сравнению с тем, чем владела семья... А младший Мэллоун стал бы таким же священником, как Доус. Стоял бы за кафедрой, слегка ссутулив плечи, и по воскресеньям читал бы проповеди, не мечтая о большем.

— Наша семья понесла тяжелую утрату, — проговорил Кристофер, опустив глаза, — но так было угодно Спасителю, — продолжил он, поднимая взгляд, — и со временем мы найдем утешение.

Преподобный вздрогнул, кадык под белым воротничком дернулся.

— Не переживайте, и спасибо за заботу. — Кристофер развернулся и быстро зашагал к выходу. Разочарование жгло грудь — златовласая леди, конечно, уже покинула церковь, но крошечный шанс встретить ее на улице еще оставался. Может, она ждет экипаж?

Солнечный свет, разбитый витражами, сменялся тенью, в воздухе таял, ускользая, тонкий аромат ванили и корицы. Кристофер невольно ускорился, словно этот флер мог привести его к желаемому.

— Мистер Мэллоун! — Оклик догнал его на пороге церкви, когда он уже взялся за ручку двери. — Будьте осторожны.

Кристофер помедлил, не зная, стоит ли отвечать, но все же обернулся. Преподобный стоял на самой границе столба света, и, хотя лицо его скрывала тень, казалось, что выглядит он... нездоровым? Похожий взгляд был у Джозефа, когда тот подхватил лихорадку. Впечатление усилилось, когда преподобный приложил пальцы к вискам и закусил губу, словно сдерживая стон боли.

— И вы, — произнес Кристофер наконец. Створка скрипнула, открываясь, а потом с негромким стуком закрылась.

Церковный двор оказался пуст. Кристофер даже зубами скрипнул от злости, но ничего иного, кроме как идти домой пешком и в одиночестве, не оставалось.

В светлом июльском небе с пронзительным криком проносились ласточки, в живой изгороди звездочками сияли вьюнки, ветер гладил траву, поднимавшуюся едва ли не до пояса. Окружающая пастораль постепенно успокоила Кристофера. Разочарование отступило, и он сосредоточился на том, чтобы чуть позже все-таки достичь цели — встретиться с незнакомкой, так похожей на настоящую фэйри.

Когда-то подобные создания жили с людьми бок о бок: торговали волшебными артефактами, сражались под знаменем Короля, объединившего земли, но теперь *Они* остались лишь в сказках и легендах, семейных преданиях Лордов Основателей. Ушли под сень изумрудных холмов и не показываются смертным. Кристофер усмехнулся. Но он-то не обычный смертный! Кровь эльфов, проявившаяся в нем и наградившая синими глазами, подарила ему кое-что еще. Возможность видеть сквозь морок. Все волшебные создания, что населяли дом и сад, были открыты его взору, хотя и не всегда. По своему желанию Добрые Соседи могли скрываться, но пользовались этим нечасто. Они окружали Кристофера сколько он себя помнил и даже раньше — мать рассказывала, как младенец смеялся и радовался чему-то, чего она не видела.

И все же, все же... Кристофер остановился перед воротами в Мэллоун-холл. Одно дело — его домашние феи: винки, брауни, крата и другие. На то они и домашние, чтобы принадлежать особняку и его владельцам, а вот

свободных фэйри много столетий никто не видел. С тех пор как люди запечатали Источник Истинного Волшебства, фэйри и феи ослабли, стали столь уязвимы, что перестали приходить в мир смертных, а с ними ушли и настоящие чудеса. Нельзя больше услышать песни волшебных красавиц, полюбоваться на их танцы под луной, и нет больше места настоящим подвигам.

Перед мысленным взором Кристофера вновь возник образ златовласой леди. Он толкнул тяжелую створку ворот и решительно направился в дом. Ему необходимо увидеть ее вновь, и, кажется, он придумал, как все устроить.

Обычно, проходя по коридору, увешанному семейными портретами, Кристофер задерживался у самого первого — с его тезкой, основателем рода. Но не сегодня. Сегодня он прошел мимо старой картины, даже не удостоив ее взглядом. Правда, перед дверью отцовского кабинета пришлось остановиться — путь преграждала крата.

Вид это создание имело вполне человеческий: милая девушка с пышной гривой рыжих кудрей, в простом платье, облегающем точеную фигурку. Фея смотрела куда-то в темный угол под потолком и чем дальше смотрела, тем сильнее хмурила темные брови. Кристофер проследил за ее взглядом и заметил тонкую ниточку паутины, на которую уже налипла пыль. Крата подобное терпеть не могла, нерадивость слуг приводила ее в ярость, отчего огонь в камине плевался искрами, а остывшие угольки наливались жаром и оставляли на руках горничных волдыри и ожоги.

— Дали, дай пройти, — Кристофер попытался миновать ее, но та не сдвинулась с места, — пожалуйста! — Фея проказливо улыбнулась, обнажив мелкие жемчужно-белые зубки. — Дали! — От этого холодного оклика крата наконец посторонилась.

Кристофер укоризненно покачал головой и без стука вошел в кабинет, оставив фею за дверью. Он не увидел, как ее зеленые глаза сверкнули обидой, а по волосам побежали злые огненные всполохи.

— Отец. — Кристофер остановился на середине комнаты, давая ему время отложить письмо, и только после кивка подошел к столу.

— Ты вовремя, — он потер переносицу, — я как раз думал о тебе.

Кристофер приподнял брови, одновременно удивленный и заинтересованный. Как ни хотелось сразу перейти к делу, он промолчал. Чутье всегда подсказывало, когда можно пренебречь правилами, а когда лучше следовать им с безукоризненной точностью.

— Мистер Робинсон прислал мне записку. Пишет, что вчера утром ему доставили какой-то новый сорт клубники...

Кристофер еле сдержал торжествующую улыбку — повод сам приплыл к нему в руки! Оставалось только ухватить удачу за хвост и ни за что не упускать. А уж с этим он справится!

Пока наследник графского титула готовился к визиту, Эбигейл Айвз развлекалась тем, что слушала милую, но пустую болтовню подруг. Джулия, Сюзан и Мэри обсуждали визит в церковь, а точнее ту его часть, что касалась молодых джентльменов — их облика, их поведения, их взглядов. Разговор неизбежно коснулся и Мэллоунов.

— Впервые после похорон увидела Кристофера, — вздохнула Сюзан и опустила глаза на вышивку. Та без дела лежала у нее на коленях уже почти час, все время, что леди провели в саду за разговорами.

Эбигейл сделала еще один ровный стежок. Откровенно говоря, она ненавидела вышивку, вязание, да и вообще любое рукоделие, но иногда сделать что-то было проще, чем создать иллюзию. Поэтому вместо того, чтобы окружить себя гламором, Эбигейл честно вышивала зеленый лист папоротника, делая вид, что он интересует ее куда больше, чем молодые люди вообще и Кристофер Мэллоун в частности.

— Не сказала бы, что он выглядел убитым горем... — На вышивке Джулии за час тоже не прибавилось стежков. — Скорее рассеянным.

— Умер кто-то в графской семье?

— Ах, Мэри! Конечно, вы с сестрой не знаете!

Эбигейл хмыкнула по себе: откуда бы?! Они только вчера приехали! Но вместо того чтобы просто рассказать новости, Джулия позволила себе дурацкое замечание, да еще и замолчала, выдерживая театральную паузу. Папоротниковый листок обзавелся еще одним ровным стежком, вторым, третьим... Продолжила Джулия только на пятом:

— Неделю назад Джозеф Мэллоун погиб! Его лошадь взбесилась, как только он оказался в седле, — начала брыкаться, прыгать и сбросила его, ударив копытом!

Мэри ахнула и прикрыла рот руками. Ее рукоделие упало в траву, и Эбигейл с трудом сдержалась, чтобы не скорчить брезгливую гримасу. Сестра ведь не знала этого Джозефа, какое ей может быть дело до того, как он умер? Мама, точнее та женщина, что воспитала Эбигейл, говорила, что в обществе важна правильная реакция: улыбка — шутке, слезы — горю, даже если шутка оказалась несмешной, а горе тебя не касалось. Это раздражало, но правила игры Эбигейл запомнила, хотя и следовала им, только когда это было выгодно.

— Зачем же он сел на такую лошадь? — поинтересовалась она.

Подруги и сестра покосились на нее с осуждением. «Какая черствость!» — читалось в глазах Джулии и Сьюзан, «Ты опять меня позоришь!» — в глазах Мэри.

Старшая сестра всегда была правильной девочкой: не читала ничего, кроме пособий по домашнему хозяйству, слушалась родителей, не раскрывала рта, пока к ней не обратятся. Эбигейл это все претило: воспитанная людьми, она совершенно точно знала, кто она на самом деле, и следовать глупым правилам смертных не собиралась. Разве что когда это было выгодно... Впрочем, свою семью Эбигейл любила, они окружили ее заботой и не делали различия между дочерью родной и подкидышем. До семи лет она даже не догадывалась, что не человек, а потом... Эбигейл тряхнула головой, прогоняя воспоминания о болезни и открывшейся правде, и яростно всадила иглу в ткань.

— Это была его любимая лошадь, — вздохнула Сьюзан Робинсон. — Она всегда казалась мне очень спокойной! Джозеф даже катал меня на ней...

От Эбигейл не укрылся быстрый взгляд старшей сестры на младшую. Похоже, та только что выболтала секрет, который мог стоить дочерям торговца репутации. Но куда интереснее звучало то, что смиренное животное внезапно взбесилось. Эбигейл нетерпеливо качнула носком — ее деятельной природе была противна сама мысль просто сидеть и ждать. Она уж собиралась зачаровать подруг и лично отправиться к графскому особняку — бродить вокруг и искать встречи, как в сад ступил он.

Кристофер Мэллоун. Юный наследник титула, возможный обладатель уникального дара.

В церкви Эбигейл почти не рассмотрела его, как ни хотелось, но сейчас ничто не мешало. Он двигался очень

пластично и был отлично сложен: высокий, гибкий, с широкими плечами и узкой талией. Непослушно-очаровательные черные вихры не сдерживало никакое макаassarовое масло, темные брови и длинные ресницы подчеркивали синеву глаз, а острые высокие скулы, прямой нос и твердый красиво очерченный подбородок завершали картину. Кровь волшебных созданий проявилась в этом юноше во всем своем великолепии, подарив и волшебство, и внешнюю привлекательность.

— Добрый день, леди, — приветливо улыбнулся он.

— Милорд! — хором откликнулись Джулия и Сьюзан, поспешно поднимаясь и приседая в книксене.

Вместе с ними поднялись и сестры Айвз, но приседать не спешили, ожидая, когда их официально представят. С Кристофером явился глава семейства Робинсонов, ему и выпала честь назвать своих гостей.

— Мисс Мэри Айвз.

Мэллоун вежливо склонил голову.

— Мисс Эбигейл Айвз.

И вновь вежливый поклон, но в этот раз Кристофер задержал взгляд на секунду дольше, чем подобало, интерес вспыхнул в его глазах. Губы Эбигейл тронула скромная улыбка, но в душе она возликовала: Кристофер Мэллоун явно видел ее настоящий облик, а значит, действительно обладал первым из талантов синеглазых! Его взгляду открывалось тайное. А если она его обучит — откроется и сокрытое.

— Рады знакомству! — хором отозвались сестры Айвз и слаженно сделали книксен.

Кристофер склонился в изящном полупоклоне и приподнял голову, посмотрев прямо в глаза Эбигейл. Налетевший ветер бросил челку ему на лоб, взметнул волосы, вплел в них солнечные лучи. Кончики пальцев закололо:

волшебство в его крови оказалось настолько сильно, что она чувствовала его, почти как собственное, но достался ли Кристоферу второй талант? Это предстояло выяснить.

— Что ж, мистер Мэллоун...

Отец семейства явно чувствовал себя не в своей тарелке: бисеринки пота выступали на его блестящей затылке, голову он вжимал в плечи. Наверное, ему было привычнее вести деловые, а не светские беседы, тем более с такими, как Кристофер. Пусть Робинсон и был всего лишь обычным человеком, но он чувствовал, как отличается от него потомок волшебных созданий, а Мэллоун свою силу явно не контролировал.

— Спасибо, что представили меня своим очаровательным гостям, — произнес Кристофер, — проводите, меня, пожалуйста, к оранжерее. Отец говорил, что вам привезли новый сорт клубники, и мне не терпится его увидеть!

— Да! Да, конечно! — с облегчением отозвался торговец. — Пойдемте!

— Леди.

— Милорд.

«Сейчас он уйдет, а я не придумала, как продолжить знакомство!» Эбигейл со скрытой досадой наблюдала за тем, как Кристофер идет прочь. Ей нужен был предлог, чтобы узнать его поближе! Она не для того тряслась в дилижансе и сидела за скучным вышиванием, чтобы упустить свой шанс!

— Мистер Робинсон, могу ли я пригласить вас с семьей и, конечно, гостями на пикник? — Мэллоун произнес это на самой границе сада, так, будто обращался только к торговцу, но слышать его могли все.

Робинсон оглянулся, по глазам и напряженным позам понял, что дочери ждут не просто ответа, а согласия, и кивнул:

— Вы так добры, сэр! Конечно!

Эбигейл оценила изящество хода — Кристофер поставил несчастного отца семейства в безвыходное положение. Даже пожелай тот отказаться — ведь людям его класса не место рядом с высшей аристократией, — он бы не смог. Огорчить дочерей, уронить свое достоинство в глазах гостей — нет, нет, нет! А еще Кристофер сам поймал себя в ловушку — теперь оставалось дожидаться только официального приглашения.

Она улыбнулась. Все шло просто идеально!

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

